

НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ТАКСИСА В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ*

Я. Коцкова

Славянский институт Чешской академии наук, Прага (Чехия)
kockova@slu.cas.cz

Аннотация. Работа посвящена неличным формам глагола как средствам выражения таксиса в русском и чешском языках. Ядром зависимого таксиса в русском языке являются деепричастные обороты, в то время как причастные и предложно-падежные обороты занимают периферийное положение. Несмотря на то, что русский и чешский язык обладают почти тождественной системой неличных глагольных форм, имеются существенные различия в их употреблении: деепричастия, которые являются центральным средством выражения таксиса в русском, ограничены в чешском в своем употреблении и постепенно исчезают. Важное положение в рамках зависимого таксиса имеют конструкции с отглагольными существительными, а именно с т. н. вербальными существительными. В работе приведены результаты исследования, где на материале параллельного корпуса рассмотрены эквиваленты русских и чешских неличных форм, которые показывают различную позицию неличных форм глагола как средств выражения таксиса в русском и чешском языках. В чешском языке средства выражения таксиса более разнородны, а значения относительного времени также выражаются при помощи союзов и союзных слов, контекста и лексических элементов.

Ключевые слова: глагол, неличные формы, таксис, русский язык, чешский язык.

* Данное исследование было поддержано программой «Strategie AV 21» Чешской академии наук. Автор благодарит Марию Симеунович-Скворцову за языковую и стилистическую корректуру текста.

Non-finite forms of verbs as means of expression of the taxis in Russian and Czech

J. Kocková

Institute of Slavonic Studies, Czech Academy of Sciences, Prague
kockova@slu.cas.cz

Abstract. The paper addresses non-finite verb forms as means for expressing taxis in Russian and Czech. Adverbial phrases make the core of dependent taxis constructions in Russian, with participial and preposition-noun phrases remaining in the periphery. Although the Russian and Czech non-finite verb systems are almost identical, they show considerable differences in their usage: in contrast to Russian, adverbial phrases have restricted usage and are becoming obsolete in Czech, where constructions with deverbal nouns, especially the so-called verbal nouns, figure prominently in the dependent taxis domain. In a corpus-based analysis, this paper paid special attention to non-finite form equivalents in Russian and Czech. The results confirm the different positions of non-finite forms in expressing taxis in Russian and Czech. Czech uses more variegated taxis-expressing devices that include not only constructions with finite and non-finite verb forms, but also conjunctions and conjunctive words, as well as contextual and lexical elements.

Keywords: verb, non-finite forms, taxis, Russian, Czech.

1. Введение

При рассмотрении двух языков и языковых систем лингвистика часто сталкивается с проблемой их сопоставимости. Мы решаем вопрос, как сравнивать и описывать системы, включающие и предпочитающие различные средства выражения в одинаковой функции. Данную проблематику хорошо отражает Теория функциональных полей (ТФП), которая затрагивает все средства выражения, их взаимную позицию и учитывает их переходный характер. Этот подход позволяет сравнивать функциональные поля в целом, учитывать лакуны и разную частотность отдельных средств выражения в языках, а также совпадение разных функций (напр., таксиса и условия в чешском) и т. д.

2. Характер неличных форм

Исследуя неличные формы глагола, мы сталкиваемся с их «переходным» характером, т. е. указанные формы объединяют характеристики различных частей речи — глаголов, прилагательных, наречий, существительных. Неличные формы глагола — это формы с различными морфологическими и синтаксическими характеристиками, которые объединены способностью выражать второстепенную предикацию в предложении [Бондарко 1987: 235]. Неличные формы глагола объединяет возможность служить средством выражения таксиса, или точнее, зависимого таксиса. С точки зрения морфологии, они обладают характеристиками других частей речи, и по этой причине в разных языках их классифицируют по-разному (ср. вербальные адъективы в чешском, причастия в русском и т. д.). Межъязыковое сравнение таких категорий затрудняет также то, что такие переходные категории не имеют ясных ограничений (ср. адъективация причастий, переход деепричастий в другие части речи, значение действия у отглагольных существительных и т. п.).

Исследование затрудняет и тот факт, что неличные формы не обладают высокой частотностью в текстах. Новые возможности, которые сегодня представляют параллельные корпуса, стали поводом для подробного исследования эквивалентов неличных форм глагола в русском и чешском языках, целью которого является описание реально употребляемых и в межъязыковом сравнении эквивалентных способов выражения. В рамках этой работы под эквивалентами понимаются переводные конструкции, которые выражают в тексте соответствующее понятие. Этим подходом пользуется целый ряд лингвистов [Johansson 2007: 3; Gast, Levshina 2014; Altenberg, Granger 2002]; в докорпусное время [Mathesius 1975] и др. Анализ эквивалентов был приведен на основе данных параллельного корпуса InterCorp ÚČNK, версии 2–9¹, для каждой формы (три и четыре причастные формы в чешском и русском соответственно, две формы деепричастия, одна форма существительного) было взято около 100 примеров. В исследование входили не только оригинальные тексты, но и переводы с третьих языков, чтобы расширить количество примеров и виды текстов, рассмотреть разнообразные жанры и абстрагироваться от индивидуального авторского и переводческого стиля.

¹ В дальнейшем все примеры взяты из этого корпуса, если не указано иное.

3. Функционально-семантическое поле таксиса

Теория функционально-семантических полей включает все средства выражения, их взаимную позицию, и потому она хорошо подходит для описания переходных форм. На основе понятий ядра и периферии можно объяснить различные способы выражения в языках, которые обладают почти тождественной системой средств выражения.

Приведенные исследования являются одним из возможных подходов при изучении ФСП таксиса, сосредоточенного на неличных формах глагола и их функциях. Эквиваленты русских неличных форм в чешском и эквиваленты чешских неличных форм в русском подвергаются анализу во всех функциях неличных форм, что, однако, позволяет нам составить представление о способах выражения ФСП таксиса в чешском и русском языках. Границы неличных форм и их функций в ряде случаев неоднозначны даже в рамках одного языка, ниже приведенный материал стал попыткой провести широкое исследование, основанное на реальных языковых примерах и ограниченное в минимальной степени исходными категориями.

В русском языкознании ФСП таксиса описывается как полицентрическое, со сферой зависимого и независимого таксиса [Бондарко 1984: 77–79; 1987: 234–243]. Центром зависимого таксиса в русском являются деепричастные конструкции, а причастные и предложно-падежные конструкции имеют периферийное положение. Центром независимого таксиса в русском являются видо-временные формы в сложноподчиненных предложениях с придаточным времени, в предложениях с однородными сказуемыми и в сложносочиненных предложениях; периферийными являются конструкции с видо-временными формами в сложноподчиненных предложениях с придаточными различных функций — условия, причины, следствия, уступки и с изъяснительными придаточными [Бондарко 1987: 240–241].

В чешском языке имеются почти те же системные возможности выражения таксиса, что и в русском (см. *Таблицу 1*), но структура ФСП таксиса отличается². Если деепричастия занимают в русском

² Я искренне благодарна проф. Паневой за предоставление её пока не изданного текста «Таксис в чешском языке», который представляет собой совокупное описание средств выражения таксиса в современном чешском языке.

центральное положение, то в чешском они постепенно выходят из употребления. К тому же, добавляются другие черты чешского языка: чешский язык, с точки зрения типологии, является в высокой мере флективным языком, в котором предпочитается употребление первичной предикации в предложных конструкциях. Данные черты находят свое отражение также в способах выражения таксиса: чешский предпочитает конструкции с личными формами глагола в ССП и СПП или конструкции с отглагольными существительными. Вследствие выбора этих средств, категория таксиса выражена не только при помощи видо-временных форм глагола, но также при помощи лексических средств (наречий, предлогов, союзов), или же вытекает из контекста [Panevová: 3, 16–17, 28], что позволяет считать таксис функционально-семантической категорией [Panevová: 47]. В чешском имеется ограниченное количество специализированных средств выражения таксиса, функция таксиса часто выражена вместе с другими функциями (условия, сравнения, хабитуальности и т. д.).

4. Система неличных форм

Системы неличных глагольных форм в русском и чешском языках совпадают: в обоих языках в систему входят деепричастия и причастия. В чешском языке традиционно к неличным глагольным формам относятся также вербальные существительные, т. е. регулярно образующиеся от глаголов субстантивные формы, сохраняющие лексическое значение и некоторые другие глагольные признаки (см. ниже). В русском и чешском языке существуют две основные формы деепричастий: деепр. НСВ, в чешском традиционно называемое „přechodník přítomný“ (деепр. настоящего времени); и деепр. СВ, в чешском „přechodník minulý“ (деепр. прошедшего времени)³. Чешские деепричастия согласуются с субъектом в числе и роде. Система причастий в обоих языках поставлена на оппозиции залоговых и временных форм, однако в чешском отсутствуют формы СПН и образование форм ДПП ограничено.

³ Иногда упоминается настоящее деепричастие СВ [EŠČ 2002: 352], которое должно выражать значение предшествования в будущем. Эти формы имеют настолько низкую частотность, что почти невозможно сделать обоснованные выводы об их функциях в современном языке.

Таблица 1. Схема неличных глагольных форм в русском и чешском языках
Table 1. Infinitive verb forms in Russian and Czech languages

Причастия	Русский	Чешский
ДПН	<i>делающий⁴ (сделающий)</i>	<i>dělající / udělající⁵</i>
СПН	<i>делаемый⁶</i>	-
ДПП	<i>сделавший/ делавший</i>	<i>udělavší / uslyšely⁸</i>
СП ПР. ВР.	<i>сделанный⁹ (деланный)</i>	<i>udělaný / dělaný¹⁰</i>
Деепричастия		
НСВ	<i>делая</i>	<i>dělaje, dělajíc, dělajice</i>
СВ	<i>сделав(ши)</i>	<i>udělav, udělavši, udělavše</i>
Вербальные субстантивы		
	— ¹¹	<i>dělání / udělání</i>

В вышеприведенной таблице представлен обзор системы неличных форм глагола в русском и чешском, к нему необходимо сделать несколько примечаний:

- Деепричастия в чешском считаются средством книжного стиля и имеют низкую частотность употребления (см. далее).
- Термин «причастие» не имеет в чешском соответствующего эквивалента: «рђїčestї» в чешском обозначает часть аналитических форм глагола (напр. *já jsem/ty jsi/on — udělal*) и страдательные причастия прошедшего времени. Действительные причастия рассматриваются традиционно как так называемые «вербальные адъективы» или «адъективные партиципии»,

⁴ Только НСВ, от СВ данные причастия имеют значение будущего [Сай 2014: 326].

⁵ Образуются преимущественно от глаголов НСВ [МЃ II 1986: 423].

⁶ Только переходные глаголы НСВ [Сай 2011: 274–276].

⁷ Образуются преимущественно от глаголов СВ, однако их образование сильно ограничено [МЃ II 1986: 423].

⁸ Действительные причастия (-lý) образуются ограниченно, обычно от переходных глаголов [МЃ II 1986: 421].

⁹ Только от глаголов СВ, у глаголов НСВ лишь от некоторых бесприставочных [Сай 2011: 254].

¹⁰ Страдательное причастие образуется обычно только от переходных глаголов, исключения редки [МЃ II 1986: 420].

¹¹ Однако и в русском имеются существительные со значением действия, которые по значению близки глаголу, ср. *делание*.

хотя такой подход подчеркивает адъективные свойства причастий и оставляет без внимания регулярность их отглагольного образования, их способность выражать грамматические категории залога, возвратности, вида и пр.

- Термином вербальные субстантивы в чешском обозначаются существительные на *-ní/tí*, которые регулярно образуются от глаголов обоих видов и традиционно причисляются к неличным формам глагола.

5. Деепричастия

В русском языке деепричастие является специализированным и центральным средством выражения категории (зависимого) таксиса.

В чешском языке возможности употребления деепричастий более ограничены, МС² II характеризует их как «книжные, выходящие из употребления» [МС² II 1986: 154]. Деепричастия имеют очень низкую частотность¹², и их использование связано с авторским и переводческим стилем¹³. В чешском языке, как в письменном, так и в разговорном, наиболее часто выступают так называемые **абсолютные деепричастия** (напр. *počínaje, soudě, nemluvě, konče*), формы которых не согласуются в числе и роде, не соблюдают правило односубъектности и очень часто переходят в разряды других частей речи [EŠČ 2002: 353].¹⁴ Дворжак в своей монографии показал, что абсолютные деепричастия имеют в чешском стабильную частотность, в то время как частотность «неабсолютных

¹² Срав. в параллельном корпусе InterCorp, v9, находится 690 форм деепр. настоящего времени и 35 791 форм русских деепр. НСВ.

¹³ Например, из проанализированных 159 форм деепричастий пр. вр. (корпус InterCorp, v8), 107 форм находилось в книге «Osudy dobrého vojáka Švejka», 30 форм в переводе «Капитанской дочки» Пушкина (пер. Б. Матезиуса) и 16 форм в переводе «Книги джунглей» Киплинга (пер. М. Майкснера). Деепричастия пр. вр. почти не употребляются в журналистских текстах: в большом корпусе SYN2010 встречается только 46 форм в публицистических текстах, в большинстве случаев это цитаты старших текстов.

¹⁴ В одноязычном корпусе SYN2010 найдено 3048 форм деепр. наст. вр., однако формами с самой высокой частотностью являются абсолютные деепричастия: *počínaje* (1311 форм), *nemluvě* (1285), *nechtě* (456), *konče* (406), *soudě* (405), *nevýjímaje* (291) и т. д.

деепричастий» постепенно снижается начиная с периода национального возрождения [Dvořák 1983: 85].

5.1. Эквиваленты деепричастий

Таблица 2. Эквиваленты деепричастий
Table 2. Equivalents of adverbial participles

ДЕЕПР.	ЭКВИВАЛЕНТЫ РУССКИХ ДЕЕПР. В ЧЕШСКОМ	ЭКВИВАЛЕНТЫ ЧЕШСКИХ ДЕЕПР. В РУССКОМ
НСВ/ наст. вр.	личн. ф. глагола (59 %) • в простом или сложносочиненном предложении (30 %) • в придаточном (29 %)	деепр. НСВ (65 %)
	существительные (12 %)	деепр. СВ (12 %) личн. ф. глагола (8 %)
СВ/ пр. вр.	личн. ф. глагола (70 %) • в придаточном (36 %) • в простом или сложносочиненном предложении (34 %)	деепр. СВ (80 %)
	существительные (20 %) • 6,5 % ВС (4,7 % ВС СВ)	личн. ф. глагола (10 %) деепр. НСВ (3,7 %)

Приведенный материал подтверждает низкую частотность чешских деепричастий и их ограниченное употребление — даже в публицистических текстах используются только деепричастия наст. вр.; также среди эквивалентов русских неличных форм глагола в исследованном корпусном материале встретились только деепр. наст. вр. Результаты подтверждают центральную позицию деепричастий в ФСП зависимого таксиса в русском, русских деепричастий было среди эквивалентов довольно много (80 % для деепр. наст. вр. и 65 % для деепр. пр. вр., см. таблицу 2). И наоборот, в чешском деепричастия занимают и стилистически, и функционально ограниченную позицию. Самым частотным эквивалентом обеих **русских форм деепричастий в чешском языке** являются личные формы глагола, которые встречаются либо в простом предложении (1)¹⁵, либо в сложносочиненном предложении, либо в конструкциях

¹⁵ Следующие примеры приведены из русско-чешского параллельного корпуса: в первом примере дана искомая форма, а второй пример представляет эквивалентное выражение во втором языке.

с однородными сказуемыми, либо в сложноподчиненном предложении с придаточными разных видов: в придаточных времени (самая высокая частотность у эквивалентов деепричастий СВ) (2), в придаточных образа действия, изъяснительных, уступительных, относительных придаточных (чаще всего у эквивалентов деепричастий НСВ, (3)). Часто встречаются **сложноподчиненные предложения с придаточными присоединительными** (4). Видовые формы деепричастий в русском и глагольные видовые формы в чешском при этом не всегда совпадают, и в некоторых случаях мы находим среди эквивалентов одной формы деепричастий обе видовые формы (5), (6). Как показывают приведенные примеры, значение таксиса в чешском часто уступает другим значениям (см. примеры (3), (4)).

- (1) *«Это верно», — подтвердил Бенций, впервые улыгнувшись и чуть ли не просяв...
„To je pravda,“ řekl Bengt. Vůbec poprvé se **usmál** a obličej se mu málem rozzářil.
„Вообще первый раз улыбнулся ...“*
- (2) ***Добежав** до цели, он перебрался через край бассейна и спрыгнул в пенящуюся жидкость.
Když **dorazil** k fontáně, přešel okraj nádrže a ponořil se do zpěněné vody.
„Когда он добрался к фонтану...“*
- (3) *... спросил деликатный Полосков, **сдаваясь** на милость победительницы.
... zeptal se ohleduplný Poloskov, **který se vzdal** na milost a nemilost.
...который сдался на милость...“*
- (4) *Как утверждается, китайские солдаты заняли огневые позиции, **заставляя** индийцев отступить, чтобы не спровоцировать начало огня.
Čínští vojáci údajně zaujali palebné pozice, což **Indy přimělo** se stáhnout, aby nevyprovokovali přestřelku.
„что заставило индийцев отступить...“*
- (5) ***Чувствуя** необыкновенный прилив энергии, я огляделся по сторонам.
Pocítil jsem v sobě neobyčejnou vlnu energie a rozhlédl se kolem sebe.
„Я почувствовал-PFV в себе необыкновенную волну энергии...“*

- (6) ... *спросил я, чувствуя, как за моей спиной сжимаются туго стянутые рукавами кулаки.*
... *zeptal jsem se a cítil-IPFV jsem, jak se mi za zády v pevně utažených svázaných rukávech kazajky svírají pěsti.*
... *спросил я и чувствовал-IPFV, как ...*‘

В чешском значительную роль среди эквивалентов занимали **вербальные существительные**, которые совпадали с русскими деепричастиями по виду. Вербальные существительные **несовершенного вида** встречались чаще всего в форме творительного падежа (7) или с предлогами со значением процесса *při* ‘при’ (8), *během* ‘в течение’ и с предлогом *prostřednictvím* ‘с помощью’. Паневова упоминает конструкции отглагольных существительных (не только ВС) с предлогами *při*, *během* как средства выражения частичной или полной одновременности [Panevová: 22]. Примеры вербальных существительных СВ с предлогами *po* ‘после’ (9), *od* ‘с’ выражают предшествование действия. Другие отглагольные существительные со значением действия встречались в форме творительного падежа или с предлогами.

- (7) *Позволить потерпевшим рассказывать свои истории, а затем дать подсудимому право затягивать процесс, **расхваливая** свои заслуги в качестве политического лидера, — вот формула бесконечного судебного разбирательства.*
*Povzbuzovat oběti, aby hovořily, a pak dávat obžalovanému právo mařit jednání **vychvalováním** svých zásluh v pozici politického lídra je recept na nekonečné zdržování.*
... *а затем давать-IPFV подсудимому право затягивать процесс расхваливанием своих заслуг...* ‘
- (8) *Преследуя эти цели, Россия должна помнить, что империализм — дорогое удовольствие и ведет к конфликту с Западом. **Při prosazování** svých cílů by Rusko mělo mít na paměti, že imperialismus je nákladný a že podnítí konfrontaci se Západem.*
... *При преследовании своих целей должна Россия помнить, что ...* ‘
- (9) *Остановив гиперинфляцию и заявив о стабилизации цен, она сократила свой государственный сектор, проведя приватизацию сталелитейной и нефтяной промышленности, банковского сектора, предприятий связи и авиакомпаний...*

Po zastavení hyperinflace a nastolení cenové stability zredukovala veřejný sektor; privatizovala nejen ocelárny, petrolejářské podniky, banky či letecké společnosti ...

,После остановки-РФ гиперинфляции и постановки-РФ стабилизации цен...‘

В некоторых случаях русские деепричастия не имели никакого эквивалента, чаще всего тогда, когда в роли деепричастия выступали семантически опустошенные слова (*являясь, находясь, будучи* или *достигнув*). Однако также при отсутствии глагольного элемента может быть выражено значение таксиса, ср. (10). Чешские **деепричастия** были обнаружены среди эквивалентов только как абсолютные формы (*soudě, nemluvě, počínaje*).

- (10) *Массовые убийцы, захватившие власть в двадцатом веке, были обречены на смерть в народных бунтах или на судебные процессы за свои преступления, если, конечно, они не умирали, будучи у власти.*

Masoví vrazi, kteří se dostali k moci ve dvacátém století byli odsouzeni k tomu, že budou buď zabiti při lidové vzpouře, nebo souzeni za své zločiny — tedy pokud nezemřeli u moci.

,... если, конечно, они не умерли-РФV у власти.‘

Совсем другая картина выявилась при анализе эквивалентов **чешских деепричастий в русском**. Самую высокую частотность имели деепричастия (80 % и 65 %) (11, 12). Высокая частотность подтверждает центральную роль деепричастий в ФСП таксиса.

- (11) *Byl to nějaký Šimek z Budějovic, který neznaje ničeho o tom vznešeném posláni těch dam, prohodil k svým soudruhům po odchodu dam: „Jsou ale tady ty kurvy drzý.*

,который не зная ничего об этой высокой миссии дам...‘

Šimek, ne будучи осведомлен о высокой миссии дам, после их ухода по-своему расценил такое поведение и сказал своим товарищам: "Ну и нахальные же эти шлюхи".

- (12) *Uděliv ještě rozkazy týkající se kanárka a angorské kočky, odešel, neopomenuv ještě ve dveřích prohodit několik slov o poctivosti a pořádku.*

Otdav приказания, касающиеся канарейки и ангорской кошки, он ушел, не преминув еще раз в дверях проронить несколько слов о честности и порядке.

Небольшую частотность имели среди эквивалентов **личные формы** глагола (13).

(13) *Hrábl ostýchavě do kornoutu, otáčeje se provinilýma očima po tovaryši, který seděl obrácen k nim zády a ničeho si nevšimal.*

‘Он робко влез рукой в пакетик, обращая виноватые глаза-INST на подмастерье...’

*Он робко влез рукой в пакетик, виновато **взглянул** на Чепека, который сидел, повернувшись к нему спиной, и, казалось, ничего не видел.*

6. Причастия

Система причастий негомогенна не только с точки зрения возможностей и частотности их употребления, но и с точки зрения ограничений в образовании форм причастий. В русском и чешском языке причастия представляют промежуточную категорию, соединяющую глагольные и адъективные свойства. В ряде случаев глагольные свойства ослабевают и причастие полностью адъективируется. Провести четкую границу между неличной формой глагола и прилагательным невозможно, скорее имеется в виду шкала постепенного ослабления глагольной характеристики причастий.

Причастные конструкции также способны выражать таксисные отношения. Они вводят дополнительное сообщение распространительного характера. В отличие от деепричастий, причастие являет собой более употребительное и регулярное, но все же более обособленное средство выражения таксиса [Полянский 1987: 242]. Хотя конструкции с причастиями «не направлены специально на выражение таксисной функции...», «таксисная функция может включаться в отношения вторичной предикации, сопровождающие атрибутивные отношения, но может и отсутствовать» [Бондарко 1984: 90]. В русском и чешском языке причастные обороты занимают периферийную позицию в ФСП зависимого таксиса.

6.1. Эквиваленты причастий

В *Таблицах 3 и 4* приведены самые частотные эквиваленты причастных оборотов во всех функциях за исключением главной предикации, т. е. причастий как части сказуемого¹⁶.

¹⁶ В анализ также включены причастия в функции рестриктивного определения, хотя характер их временного значения оценивается неоднозначно и пред-

Таблица 3. Эквиваленты русских причастий в чешском
Table 3. Equivalents of Russian participles in Czech language

	препозитивные	постпозитивные
ДПН (-ущий)	дпн (- <i>ící</i>) (29,7 %) прил. (19,8 %) сущ. (9,9 %)	личн. ф. глагола (17,8 %)
ДПП (- <i>вший</i>)	личн. ф. глагола (7 %) сп св (- <i>lý</i>) (3 %) ¹⁷	личн. ф. глагола (45 %) дпн (- <i>ící</i>) (9,5 %)
СПН (- <i>мый</i>)	0 (26 %) сп нсв (- <i>lý</i>) (17,5 %) личн. ф. глагола (17 %) прил. (10,6 %)	0 (19,4 %) личн. ф. глагола (19 %)
СП ПР. ВР. (- <i>енный</i>)	сп св (- <i>lý</i>) (27,2 %) 0 (6 %) прил. (6 %)	сп св (- <i>lý</i>) (19 %) личн. ф. глагола (14 %)

Таблица 4. Эквиваленты чешских причастий в русском
Table 4. Equivalents of Czech participles in Russian language

ДПН (- <i>ící</i>)	дпн (- <i>ущий</i>) (38,5 %) личн. ф. глагола (17,7 %) сущ. (11,4 %) ¹⁸
ДПП (- <i>šící</i>)	дпп (- <i>вший</i>) (37 %) сущ. (12,8 %) ¹⁹ личн. ф. глагола (11,42 %)
ДПП (- <i>lý</i>)	дпп (- <i>вший</i>) (33 %) прил. (вкл. - <i>лый</i>) (29,3 %) личн. ф. глагола (8 %)
СП СВ (- <i>lý</i>)	сп пр. вр. (- <i>енный</i>) (42,8 %) личн. ф. глагола (10,3 %) сущ. (вкл. - <i>ние</i>) (9 %)
СП НСВ (- <i>lý</i>)	спн (- <i>мый</i>) (25 %) сп (- <i>ный</i>) (17 %) личн. ф. глагола (17 %)

положительно зависит от степени их адъективации [Русакова, Сай 2009]. В анализ включаются также препозитивные формы причастий, которые не имеют других черт адъективации, ср. пример (21).

¹⁷ Русские действительные причастия пр. вр. встречались в случайной выборке примеров в большинстве случаев в постпозиции (75 %).

¹⁸ Включая одну форму субстантивированного ДПН и две формы существительных с суффиксом *-ние*.

¹⁹ Включая отглагольные существительные и субстантивированные ДПП.

Анализ эквивалентов **русских причастий в чешском** показал, что особую роль играет позиция причастного оборота. Если причастный оборот находился перед определяющим словом, то его наиболее частым эквивалентом являлись также причастные обороты.²⁰ Постпозитивным русским причастиям соответствовали в чешском эквиваленты в виде личной формы глагола в относительных предложениях. Особую позицию занимают при этом постпозитивные СП наст. вр., которые имели очень часто в чешском нулевой аналог (14). Причиной этого является, с одной стороны, факт, что в чешском отсутствует соответствующая форма причастия, и, с другой стороны, что в проанализированных данных часто наблюдались семантически опустошенные слова (напр.: *возглавляемый, проводимый, практикуемый, создаваемый, контролируемый, называемый*) в газетных текстах. Анализ также подтвердил низкую частотность чешских ДПП на *-vší* (одна форма среди всех эквивалентов) и *-lý* (две формы).

(14) *Из-за этого возникают вопросы относительно строгости критериев выбора Всемирного банка, а также используемых им моделей распределения, которые могут препятствовать поддержке наиболее нуждающихся.*

Úvstává proto otázka, zda kritéria a alokační modely Světové banky nejsou příliš přísné, což může bránit poskytování podpory nejpotřebnějším.

‘Возникает вопрос, если критерии и модели распределения Всемирного банка не слишком строгие...’

В обратном направлении, среди эквивалентов **чешских причастных оборотов в русском** преобладали причастные обороты как для препозитивных, так и для постпозитивных конструкций. Частыми, но не преобладающими эквивалентами чешских причастий на *-lý* были в русском действительные причастия прошедшего

²⁰ За исключением русских препозитивных ДПП, эквивалентом которых в чешском были личные формы глагола. Причиной этого являются словообразовательные, стилистические и функциональные ограничения употребления соответствующих чешских причастий на *-vší*. «Так, чешская форма на *-ší* типа *příšedší* не может рассматриваться в качестве типового функционально-семантического эквивалента русской форме на *-(в)ший* типа *пришедший* в связи с малоупотребительностью данного причастного типа» [Изотов 1993: 9]. Среди эквивалентов препозитивных ДПП ни в одном случае не встретились чешские ДПП.

времени, встречались также прилагательные (три примера на *-lýj*) и страдательные причастия прошедшего времени²¹. Чешским страдательным причастиям НСВ соответствовали среди эквивалентов разные типы причастий, чаще всего страдательные причастия настоящего времени (напр.: *chované ryby/выращиваемые рыбыны*). В русском среди эквивалентов также встречаются существительные на *-ние* (15):

(15) *To v letech 2000 a 2001 prohloubilo recesi a vedlo k rostoucímu rozpočtovému deficitu z důvodu klesajících příjmů z daní.*

‘В годах 2000 и 2001 это усугубило рецессию и привело к возрастающему бюджетному дефициту из-за сокращающихся налоговых поступлений.’

Это еще сильнее усугубило экономический спад 2000 и 2001 годов и повлекло за собой рост дефицита бюджета из-за сокращения налоговых поступлений.

После обработки материала обнаружилось несколько совпадений, касающихся самых частотных эквивалентов, характерных для обоих языков:

- самым частым эквивалентом русского действительного причастия наст. вр. было чешское действительное причастие наст. вр., и наоборот, самым частым эквивалентом чешских действительных причастий наст. вр. были русские действительные причастия наст. вр. (16);
- самыми частыми эквивалентами русских страдательных причастий пр. вр. были чешские страдательные причастия СВ, и также наоборот: самыми частыми эквивалентами чешских страдательных причастий СВ были русские страдательные причастия пр. вр. (17);
- в меньшей степени можно обнаружить эквивалентность между препозитивными русскими страдательными причастиями наст. вр., эквивалентами которых являлись чаще всего чешские страдательные причастия НСВ, и чешскими страдательными причастиями НСВ, эквивалентами которых были чаще всего русские страдательные причастия наст. вр. (18).

²¹ «Типовым функционально-семантическим эквивалентом в данном случае [ДПП] являются формы на *-lý* типа *příšlý*» [Изотов 1993: 9].

- (16) *Deprese tak následkem dlouhodobé chemické nerovnováhy v systémech **ovlivňujících** činnost srdce, imunitní systém a metabolismus vede ke změnám ve zbytku těla.*
... в системах, влияющих-IPF на работу сердца-ACC...
*Депрессия, таким образом, приводит к изменениям во всем организме, благодаря продолжительным химическим дисбалансам в системах, **контролирующих** работу сердца, иммунную систему и обмен веществ.*
- (17) *Nejnovější úsilí IAC s názvem Jak osvětlit cestu: vstříc udržitelné energetické budoucnosti představuje ambiciózní vědecky založenou agendu pro naplnění nesmírně náročných energetických požadavků.*
... представляет собой амбициозную, на научных знаниях основанную программу...
*Последнее исследование MAC под названием «Освещение пути: к устойчивому энергетическому будущему» представляет собой амбициозную, **основанную** на научных знаниях программу удовлетворения энергетических потребностей мира.*
- (18) *Mnohé již bylo řečeno o „křížové výpravě“ **vedené** Američany s prezidentem Georgem W. Bushem v čele, která měla přinést muslimskému světu demokracii.*
*Mногое было сказано о **проводимом** под руководством Джорджа Буша и Америки «крестовом походе», направленном на экспорт демократии в мусульманский мир.*

Приведенные примеры демонстрируют некоторые структурные различия причастных оборотов в русском и чешском, где существуют ограниченные возможности для распространения препозитивного причастия другими членами предложения, см. примеры (17), (18).

7. Существительные с суффиксом **-nie / -tie** со значением действия

Существительные с суффиксом *-ní / -tí* называются в чешском языке вербальными субстантивами (*verbální substantiva*, далее — ВС) и традиционно относятся к неличным формам глагола. По этой причине они были включены и в наш анализ эквивалентов. Данный

разряд характеризуют специфические черты существительных (падежные формы, род, число, сочетаемость с притяжательными местоимениями и пр.) и глаголов (значение процессуальности, черты видового значения, способность присоединить трансформированные валентные дополнения глагола и пр.). В чешском, где существуют только малые системные ограничения образования ВС (не образуются, напр., от модальных, каузативных, фреквентативных глаголов и пр.²²), можно говорить о парадигматическом словоизменении²³ ВС. В отличие от русского, чешские ВС всегда имеют способность выразить значение действия и способны выражать таксисные значения.

Положение существительных на *-ние* / *-тие* в русском отличается, они рассматриваются как один из типов отглагольных существительных (рядом с конкурирующими с ними существительными с суффиксом *-ка*, *-ция*, с нулевым суффиксом). В русском именно существительные с суффиксом *-ние* / *-тие* от глаголов СВ часто имеют значение результата или продукта (напр., *собрание*, *расписание*) [Зализняк 2007: 44].

Существительные данного типа в чешском языке не только обладают некоторыми глагольными чертами, но и способны выражать значения таксиса. Хотя в этой функции могут выступать также некоторые другие отглагольные существительные, ВС представляют собой распространенное и системное средство, которое способно самостоятельно или с предлогом выражать значение таксиса. В русском предложно-падежные формы с отглагольными существительными считаются одним из периферийных средств ФСП таксиса. Предложно-падежные конструкции с отглагольными существительными в русском языке ближе к деепричастным конструкциям по сфере функционирования, но имеют частный и ограниченный характер [Полянский 1987: 242].

²² Однако с новыми возможностями поиска примеров можно найти подтверждения в отношении некоторых глаголов, у которых не предполагались ВС: *rostení*, *zbývání*. Ср.: [Kocková 2017].

²³ Учитывая критерии Е. Э. Пчелинцевой, сформулированные на основании исследований Дреслера и Перцова, чешские ВС находятся на шкале между словообразованием и словоизменением в ситуации, подобной ситуации в польском языке [Пчелинцева 2016: 310], т. е. ближе к словоизменению.

7.1. Эквиваленты существительных на *-nie* / *-tie*

Таблица 5. Эквиваленты существительных на *-nie* / *-tie*
в русском и чешском
Table 5. Equivalents of nouns ending in *-nie* / *-tie* in Russian
and Czech languages

ЭКВИВАЛЕНТЫ ЧЕШСКИХ ВЕРБАЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ		ЭКВИВАЛЕНТЫ РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА <i>-nie/-tie</i> СО ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ	
существительные с суффиксом <i>-nie/-tie</i>	50,8 %	ВС	24,9 %
сущ. со значением действия	22,0 %	сущ. со значением действия	24,2 %
глагольные формы	6,2 %	сущ. без значения действия	23,0 %
сущ. без значения действия	5,7 %	глагольные формы	13,0 %

Анализ **русских существительных** с суффиксом *-nie* / *-tie* показал, что большинство примеров из случайной выборки выражало значение действия (приблизительно в отношении 6:1). Эквивалентами существительных со значением действия²⁴ в чешском чаще всего были вербальные существительные (19), среди которых формы совершенного и несовершенного вида встречались приблизительно в равных частях. Почти в той же пропорции встречались отглагольные существительные со значением действия, чаще всего отглагольные существительные с нулевым суффиксом муж. рода, или с финалью *-ka*, *-a*, *-ba*, *-stvi* (20). Несколько реже встречались существительные без значения действия, употребленные в конструкциях с менее точным переводом. Интересно отметить более частое замещение глагольных форм, чаще всего личных форм глагола, но также инфинитивов, и причастий. Личные формы глагола часто встречались в придаточном предложении.

- (19) *Это был торговый винтовой пароход изящной формы, из его трубы валили густые клубы дыма, что указывало на скорое отплытие судна.*

²⁴ Наоборот, между эквивалентами русских существительных с суффиксом *-nie* / *-tie* с конкретным значением не встретились ни ВС, ни существительные со значением действия, а только две личные глагольные формы. В этом случае самыми частыми эквивалентами были существительные с конкретным значением (без значения действия) (72 %).

Jeho komín, vypouštějící husté oblaky dýmu, ohlašoval, že se loď chystá k vyplutí.

,... гудок [...] оглашал, что судно готовится к отплытию...‘

(20) *Отчаянное восклицание послышалось с пустой лодки.*

Z prázdného člunu se ozval úzkostný výkřik.

Если ВС составили почти одну четверть эквивалентов русских существительных на *-ние / -тие*, то в обратном анализе эквивалентов чешских вербальных существительных мы обнаружили русские существительные с суффиксом *-ние / -тие* в 50 % случаев (21, 22).

(21) *Rozdělení moci v politice současnosti jsem přirovnal k období třírozměrné hry v šachu.*

Я сравнил распределение силы в сегодняшней политике с трехмерными шахматами.

(22) *To se jeví jako další ozvěna řeckého scénáře, kdy se cíle snižování dluhového břemene opakovaně neplní, až začnou být nevyhnutelné drastičtější kroky.*

,когда цели снижения-IPF долгового бремени повторно не выполняются...‘

Это похоже на очередное повторение греческого сценария, когда наблюдалось неоднократное несоответствие целевым показателям по снижению долгового бремени, пока более решительные шаги не стали неизбежными.

Очень часто встречались другие отглагольные существительные со значением действия (поразительно редко с финалью *-ка*, чаще с нулевым суффиксом, с финалью *-ция* и т. д.) (23). Существительные без значения действия были среди примеров только в 5,7 % случаев.

(23) *Tyto diskuse se inspirovaly závazkem mezinárodního společenství k řešení strukturálních příčin chudoby, nerovnosti a zhoršování životního prostředí.*

,...решению структурных причин бедности, неравенства и ухудшения-IPF окружающей среды.‘

Участники обсуждений также были проинформированы о приверженности международного сообщества решению структурных причин бедности, неравенства и деградации окружающей среды.

8. Заключение

ФСП таксиса в русском языке описано довольно подробно (см. литературу в *Разделе 3*). Ядром зависимого таксиса являются деепричастные обороты; причастные и предложно-падежные обороты занимают периферийное положение. Независимый таксис выражается соотношением видо-временных форм в различных паратаксических и гипотаксических конструкциях, однако независимый таксис часто приобретает также другие значения (условия и т. д.). Деепричастные обороты являются специализированным средством выражения функции таксиса. Таксисные значения причастных оборотов, напротив, являются непростыми; прежде всего требует более подробного исследования вопрос выбора форм причастий, их временных значений и адъективации, ср. также [Сай 2011; 2014].

В чешском языке также имеются специализированные средства выражения — деепричастия, формы плюсквамперфекта и кондиционала, однако возможности употребления всех этих форм ограничены, все они постепенно выходят из употребления [Panevová]. Таким образом, чешский пользуется неспециализированными средствами выражения, которые часто приобретают и другие функции. Важное положение в рамках зависимого таксиса имеют конструкции с отглагольными существительными, а именно с так называемыми вербальными существительными. Эти конструкции отражают видовые значения глагола и могут регулярно выражать трансформирующую глагольную валентность. Предполагается также регулярность их сочетания с фазовыми глаголами (преобладают сочетания с НСВ) и временными предлогами (СВ или НСВ в зависимости от процессуального или непроцессуального значения предлога). Периферийную роль занимают причастия, а деепричастия встречаются очень редко. Независимый таксис выражается соотношением видо-временных форм в сложносочиненных и сложноподчиненных конструкциях, а также в предложениях с однородными сказуемыми. Значения относительного времени выражаются также при помощи союзов и союзных слов, контекста и лексических элементов [Panevová]. По причине отсутствия специализированных средств выражения таксис в чешском часто сочетается с другими значениями (условия, причины, следствия и т. д.).

Приведенный анализ материала показал, что оба языка используют имеющиеся средства неодинаково. Чешский пользуется

не только комбинацией видо-временных глагольных форм, но и комбинацией лексических и других контекстных показателей. Как показал анализ эквивалентов, таксис является не только функцией одного предложения, но и функцией текстовой, таким образом, значение таксиса можно выразить также при помощи видо-временных форм в самостоятельных предложениях в когерентном тексте.

В чешском языке средства выражения таксиса более гетерогенны как с точки зрения форм, так и с точки зрения значений (значение относительного времени не имеет такого центрального положения, как в русском).

Список сокращений

НСВ — несовершенный вид; СВ — совершенный вид; деепр. — деепричастие; сущ. — существительное; личн. ф. — личная форма; прил. — прилагательное; ДПН — действительное причастие настоящего времени; ДПП — действительное причастие прошедшего времени; СПН — страдательное причастие настоящего времени; СП пр. вр. — страдательное причастие прошедшего времени; СП — страдательное причастие; ССП — сложносочиненное предложение; СПП — сложноподчиненное предложение; ФСП — функционально-семантическое поле; наст. вр. — настоящее время; пр. вр. — прошедшее время; ВС — вербальные существительные

Литература

- Бондарко 1984 — А. В. Бондарко. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984.
- Бондарко 1987 — А. В. Бондарко. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 234–243.
- Зализняк 2007 — А. А. Зализняк. Связь отглагольных существительных на -ние, -тие с глагольным видом // Т. М. Николаева (отв. ред.). *Terra balcanica / Terra slavica*. К юбилею Т. В. Цивьян. Балканские чтения 9. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2007. С. 43–51.
- Изотов 1993 — А. И. Изотов. Чешские атрибутивные причастия на фоне русских. М.: МГУ, 1993.
- Козинцева 2002 — Н. А. Козинцева. Конструкции с причастными оборотами как средство выражения таксиса // Е. Г. Колонова (ред.). Основные проблемы русской аспектологии. СПб.: Наука, 2002. С. 99–113.
- Полянский 1987 — С. М. Полянский. Одновременность / разновременность и другие типы таксисных значений // А. В. Бондарко (ред.).

- Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 243–250.
- Пчелинцева 2016 — Е. Э. Пчелинцева. От глагола к имени: аспектуальность в русских, украинских и польских именах действия. СПб.: Наука, 2016.
- Русакова, Сай 2009 — М. В. Русакова, С. С. Сай. Конкуренция действительных причастий прошедшего и настоящего времени // К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000, 2009. С. 245–282.
- Сай 2011 — С. С. Сай. Причастие. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2014. С. 247–277. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения 24.12.2019).
- Сай 2014 — С. С. Сай. Действительное причастие. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2014. С. 324–374. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения 24.12.2019).
- Altenberg, Granger 2002 — B. Altenberg, S. Granger. Recent trends in cross-linguistic lexical studies. В Altenberg, S. Granger (eds.). *Lexis in Contrast: Corpus-based Approaches*. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 3–48.
- Dvořák 1983 — E. Dvořák. *Přechodníkové konstrukce v nové češtině*. Acta Universitatis Carolinae. Philologica. Praha: Univerzita Karlova, 1983.
- ESČ 2002 — P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová (eds.). *Encyklopedický slovník češtiny*. Praha: Nakladatelství lidové noviny, 2002. URL: <https://www.czechency.org> (дата обращения 24.12.2019).
- Gast, Levshina 2014 — V. Gast, N. Levshina. Motivating w(h)-clefts in English and German: A hypothesis-driven parallel corpus study. A.-M. de Cesare (ed.). *Frequency, Forms and Functions of Cleft Constructions in Romance and Germanic. Contrastive, Corpus-Based Studies*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014. P. 377–414.
- Johansson 2007 — S. Johansson. *Seeing through Multilingual Corpora. On the use of corpora in contrastive studies*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007.
- Kocková 2017 — J. Kocková. Substantiva mezi slovesem a jménem. Substantiva na -ní (-tí) / -ние (-тие) v češtině a ruštině ve světle paralelního korpusu. *Časopis pro moderní filologii*. 2017. Vol. 99. № 1. P. 55–64.
- Mathesius 1975 — V. Mathesius. *A Functional Analysis of Present Day English on a General Linguistic Basis*. Praha: Academia, 1975.
- MČ II 1986 — M. Komárek, J. Kořenský, J. Petr, J. Veselková, (eds). *Mluvnice češtiny II*. Praha: Academia, 1986.
- Panevová — J. Panevová. Таксис в чешском языке // В. С. Храковский (ред.). *Таксис в славянских языках*. СПб. (в печати).

Источники

InterCorp — Korpus InterCorp, Ústav Českého národního korpusu FF UK. URL: <http://www.korpus.cz> (дата обращения 24.12.2019).

SYN2010 — Korpus SYN, Ústav českého národního korpusu FF UK, 2010.
URL: <http://www.korpus.cz> (дата обращения 24.12.2019).

References

- Altenberg, Granger 2002 — B. Altenberg, S. Granger. Recent trends in cross-linguistic lexical studies. В Altenberg, S. Granger (eds.). *Lexis in Contrast: Corpus-based Approaches*. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 3–48.
- Bondarko 1984 — A. V. Bondarko. Funktsionalnaya grammatika [Functional grammar]. Leningrad: Nauka, 1984.
- Bondarko 1987 — A. V. Bondarko. Obshchaya kharakteristika semantiki i struktury polya taksisa [General characteristics of the semantics and structure of the field of taxis]. A. V. Bondarko (ed.). *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Vvedenie. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis* [Theory of the functional grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. Leningrad: Nauka, 1987. P. 234–243.
- Dvořák 1983 — E. Dvořák. Přechodníkové konstrukce v nové češtině. Acta Universitatis Carolinae. Philologica. Praha: Univerzita Karlova, 1983.
- ESČ 2002 — P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová (eds.). Encyklopedický slovník češtiny. Praha: Nakladatelství lidové noviny, 2002. Available at: <https://www.czechency.org> (accessed on 24.12.2019).
- Gast, Levshina 2014 — V. Gast, N. Levshina. Motivating w(h)-clefts in English and German: A hypothesis-driven parallel corpus study. A.-M. de Cesare (ed.). *Frequency, Forms and Functions of Cleft Constructions in Romance and Germanic. Contrastive, Corpus-Based Studies*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014. P. 377–414.
- Izotov 1993 — A. I. Izotov. Cheshskie atributivnye prichastiya na fone russkikh [Czech attributive participles against the Russian]. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1993.
- Johansson 2007 — S. Johansson. Seeing through Multilingual Corpora. On the use of corpora in contrastive studies. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007.
- Kocková 2017 — J. Kocková. Substantiva mezi slovesem a jménem. Substantiva na -ní (-tí) / -ние (-тие) v češtině a ruštině ve světle paralelního korpusu. *Časopis pro moderní filologii*. 2017. Vol. 99. No. 1. P. 55–64.
- Kozintseva 2002 — N. A. Kozintseva. Konstruktsii s prichastnymi oborotami kak sredstvo vyrazheniya taksisa [Constructions with participles as the means of expression of taxis]. E. G. Kolenova (ed.). *Osnovnye problemy russkoy aspektologii* [Basic problems of Russian aspectology]. St. Petersburg: Nauka, 2002. P. 99–113.
- Mathesius 1975 — V. Mathesius. A Functional Analysis of Present Day English on a General Linguistic Basis. Praha: Academia, 1975.

- MČ II 1986 — M. Komárek, J. Kořenský, J. Petr, J. Veselková (eds). *Mluvnice češtiny II*. Praha: Academia, 1986.
- Panevová — J. Panevová. Taxis v cheshskom iazyke [Taxis in Czech language]. V. S. Khrakovsky (ed.). *Taxis v slavianskikh yazykakh* [Taxis in Slavic languages]. St. Petersburg. (In Print).
- Pchelintseva 2016 — E. E. Pchelintseva. Ot glagola k imeni: aspektualnost v russkikh, ukrainskikh i polskikh imenakh deistviya [From verb to noun: Aspect in Russian, Ukrainian and Polish action nouns]. St. Petersburg: Nauka, 2016.
- Polyanskiy 1987 — S. M. Polyanskiy. Odnovremennost / raznovremennost i drugie typy taksisnykh znacheniy [Simultaneity / non-simultaneity and other types of taxis meanings]. A. V. Bondarko (ed.). *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedenie. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taxis* [Theory of the functional grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. Leningrad: Nauka, 1987. P. 243–250.
- Rusakova, Say 2009 — M. V. Rusakova, S. S. Say. Konkurentsia deystvitelnykh prichastiy proshedshego i nastoyashchego vremeni [Concurrence of the past and present active participles]. K. L. Kiseleva, V. A. Plungian, E. V. Rakhilina, S. G. Tatevosov (eds.). *Korpusnye issledovaniya po russkoy grammatike* [Corpus studies on Russian grammar]. Moscow: Probel-2000, 2009. P. 245–282.
- Say 2011 — S. S. Say. Prichastie. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki. Na pravakh rukopisi [Participle. Materials for the project of the corpus description of Russian grammar. As a manuscript]. Moscow, 2014. P. 247–277. Available at: <http://rusgram.ru> (accessed on 24.12.2019).
- Say 2014 — S. S. Say. Deistvitelnoe prichastie. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki. Na pravakh rukopisi [Active participle. Materials for the project of the corpus description of Russian grammar. As a manuscript]. Moscow, 2014. P. 324–374. Available at: <http://rusgram.ru> (accessed on 24.12.2019).
- Zaliznyak 2007 — A. A. Zaliznyak. Svyaz otglagolnykh sushchestvitelnykh nanie, -tie s glagolnym vidom [Relation of the deverbal nouns in -nie, -tie with verbal aspect]. T. M. Nikolayeva (ed.). *Terra balcanica / Terra slavica. K yubileyu T. V. Tsivyan. Balkanskie chteniya 9* [Terra balcanica / Terra slavica. On the anniversary of T. V. Tsivyan. Balcanic readings 9]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2007. P. 43–51.

Sources

- InterCorp — Korpus InterCorp, Ústav Českého národního korpusu FF UK. Available at: <http://www.korpus.cz> (accessed on 24.12.2019).
- SYN2010 — Korpus SYN, Ústav českého národního korpusu FF UK, 2010. Available at: <http://www.korpus.cz> (accessed on 24.12.2019).